

После того как команда Сюй Нина взяла ситуацию под контроль, буря в социальных сетях, вызванная кадрами защиты Цзы Юя в ту дождливую ночь, постепенно утихла, сменившись едва уловимым гулом.

Злобные нападки были подавлены, популярность их экранной пары сохранилась, но теперь она направлялась в более здоровое русло, а внимание публики плавно вернулось к выступлениям Цзы Юя на шоу. Однако этот шторм оставил после себя не спокойную гладь, а едва заметную рябь в отношениях между Сюй Нином и Цзы Юем.

Та близость, что возникла в холодную дождливую ночь, те моменты зависимости и защиты, запечатленные камерами, словно очертили вокруг них невидимый круг. Внутри него пульсировала общая энергия, понятная лишь им двоим, а снаружи приходилось поддерживать приличия, подходящие старшему и младшему, друзьям и партнерам по сцене. Оба молчаливо соблюдали эту границу, но не могли помешать заботе и общению становиться всё более естественными, частыми и даже пронизанными легким, осторожным любопытством.

На съемочной площадке Игрока вне границ по-прежнему царила смесь напряжения и веселья.

Например, во время обеда, когда Цзы Юй увлеченно ел свой ланч, протянулась рука с четко очерченными суставами и положила в его чашку кусочек нежной белой рыбы, из которой были удалены все кости.

— Она легкая, тебе подойдет, — голос Сюй Нина звучал ровно, словно он сделал это мимоходом. Цзы Юй поднял голову, но Сюй Нин уже убрал руку и сосредоточился на своей еде, лишь кончики его ушей едва заметно покраснели.

Цзы Юй закусил губу и тихо поблагодарил его, чувствуя, как внутри что-то дрогнуло, будто от прикосновения перышка. На следующий день он в ответ так же небрежно положил самую сладкую клубнику из своего десерта на тарелку Сюй Нина.

Сюй Нин замер на мгновение, прежде чем взять ягоду. Он ничего не сказал, но уголки его губ на секунду смягчились.

Или другой случай: после одного из игровых этапов воротник Цзы Юя сбил в суматохе. Он стоял перед зеркалом, пытаясь привести себя в порядок, когда Сюй Нин подошел к нему со спины и длинными пальцами ловко поправил воротник, разгладив ткань.

Все произошло так быстро, что Цзы Юй почти решил, будто ему показалось, но тепло пальцев Сюй Нина отчетливо отпечаталось на его коже. Он замер, глядя в зеркало на сосредоточенное лицо Сюй Нина, и его сердце пропустило удар.

Закончив, Сюй Нин похлопал его по плечу, словно выполнил пустяковое дело:

— Готово.

Он развернулся и ушел, оставив Цзы Юя стоять перед зеркалом с пылающими щеками.

Иногда Цзы Юй получал посылки из дома: мама присылала любимые с детства пирожные с мушмулой и кукурузу собственного урожая. Поколебавшись, он выбрал самую красивую упаковку и в перерыве тихо оставил ее на стуле Сюй Нина.

Вернувшись, Сюй Нин увидел гостинец и, заметив на упаковке старательно выведенную надпись: Сюй Нину, заметно смягчился в лице. Он не стал есть сразу, но по дороге в отель Цзы Юй заметил, что помощник Сюй Нина держит в руках уже открытую пачку пирожных.

Спустя несколько дней у двери номера Цзы Юя появилась изысканная коробка импортного шоколада с приложенной карточкой: Ответный подарок. Спасибо за угощение, оно было особенным. Держа в руках дорогую коробку, Цзы Юй чувствовал себя так, словно опрокинул горшок с медом.

Эти взаимодействия казались естественными, как дыхание, но каждый взгляд и случайное касание вызывали легкий электрический разряд. Повсюдусущие папарацци фиксировали это, превращая в горячие темы: Сюй Нин подкармливает Цзы Юя, Сюй Нин поправляет воротник Цзы Юю, они обмениваются домашними лакомствами. Фанаты были в восторге, а сторонние наблюдатели недоумевали: это правда просто дружба?

Настоящее сближение происходило вдали от шума, в частном пространстве.

Однажды после съемок Цзы Юй вернулся в номер, ломая голову над фрагментом современного танца, который нужно было подготовить к завтрашнему дню. У него была неплохая база, но современный танец требовал глубокой эмоциональной выразительности, а он никак не мог уловить суть.

Загорелся экран телефона — сообщение от Сюй Нина:

— Есть время? У меня есть фрагменты классических фильмов о современном танце, возможно, это тебя вдохновит. Хочешь зайти посмотреть?

Сердце Цзы Юя пропустило удар. Поздняя ночь, уединение, гостиничный номер... каждое слово звучало двусмысленно. Но он знал, что приглашение Сюй Нина было чисто профессиональным. Он ответил:

— Хорошо, учитель Сюй Нин, сейчас буду.

Номер Сюй Нина представлял собой просторный люкс. Он был в удобной домашней одежде, лишившись своей обычной строгости. На огромном экране телевизора был поставлен на паузу

черно-белый фильм.

— Садись, — Сюй Нин указал на кресло, а сам опустился на диван чуть поодаль. Расстояние было выдержано в рамках приличий.

Свет приглушили, в комнате остались лишь блики с экрана. Сюй Нин подобрал потрясающие фрагменты. Он не просто показывал их, а останавливал запись в ключевых моментах, тихо объясняя эмоциональную подоплеку и использование пространства. Его голос в тишине комнаты звучал низко и завораживающе.

Цзы Юй, поначалу нервничавший, вскоре был полностью поглощен танцем и глубокими пояснениями Сюй Нина. Он подался вперед, внимательно следя за экраном и своим наставником. Когда какая-то мысль находила отклик, он с энтузиазмом поворачивался, чтобы обсудить ее. Сюй Нин терпеливо отвечал, и в полумраке его глаза казались особенно глубокими.

Обсуждение шло полным ходом, оба погрузились в атмосферу искусства. Чтобы лучше рассмотреть детали, на которые указывал Сюй Нин, Цзы Юй неосознанно пересел с кресла на край дивана, где сидел Сюй Нин. Расстояние сократилось до минимума. Он чувствовал тонкий, чистый аромат геля для душа, исходящий от Сюй Нина, и слышал его дыхание.

На экране начался классический фрагмент парного танца: тела танцоров переплелись в страстном порыве. Воздух в комнате словно сгустился и стал горячим.

Цзы Юй, замороженный, невольно повторил одно из движений, подняв руку, и повернулся к Сюй Нину. В его глазах читалась жажда знаний и легкая, неосознанная зависимость:

— Учитель Сюй Нин, этот перенос центра тяжести...

Его голос прозвучал в тишине необычайно четко.

Сюй Нин не смотрел на экран. Его взгляд был прикован к лицу Цзы Юя. Блики света играли на молодой, чистой коже, подсвечивая большие, ясные глаза, полные восторга, и длинные, подрагивающие ресницы. Губы Цзы Юя были слегка приоткрыты, и в полумраке они казались особенно манящими.

Эта беззащитная близость, полная искреннего стремления, стала ключом, который неожиданно открыл в сердце Сюй Нина некий запертый уголок.

Тело Сюй Нина напряглось, кадык неконтролируемо дернулся. В его глубоких глазах что-то бушевало, словно океан перед штормом. Это было чистое, сильное влечение, смешанное с мужским инстинктом. Его пальцы, лежавшие на диване, сжались — он почти готов был протянуть руку, чтобы убрать непослушную прядь со лба Цзы Юя или... коснуться этих губ, что

словно безмолвно приглашали к поцелую.

Воздух застыл, слышалось только дыхание танцоров на экране и их собственные сердца, стучащие в унисон.

Цзы Юй почувствовал перемену в атмосфере. Он ощутил на себе обжигающий, агрессивный взгляд Сюй Нина, от которого его щеки мгновенно вспыхнули. Осознав, насколько опасна эта близость, он инстинктивно хотел отпрянуть, но был словно пригвожден к месту силой эмоций, отражавшихся в глазах Сюй Нина.

Его сердце неистово колотилось, в голове была пустота, остался лишь этот бушующий шторм, который одновременно пугал и манил.

Как раз в тот момент, когда Цзы Юю показалось, что шторм сейчас обрушится на него, Сюй Нин резко зажмурился. Когда он открыл глаза, бурные эмоции отступили, оставив лишь глубокое самообладание и едва заметную растерянность.

Он почти поспешно откинулся на спинку дивана, увеличивая дистанцию. От этого движения по комнате пронесся легкий ветерок.

— Кхм, — Сюй Нин прочистил горло, его голос звучал хрипло, а взгляд вернулся к экрану, словно всё произошедшее было лишь плодом воображения Цзы Юя. — Ключ к этому движению — в силе центра и взаимном доверии. Партнерам нужно абсолютное взаимопонимание, чтобы выполнить такую опасную, но эффектную поддержку.

Он говорил профессионально и ровно, хотя темп речи был чуть выше обычного, словно он пытался что-то скрыть.

Цзы Юй ошеломленно смотрел на внезапно спокойный профиль Сюй Нина, на его отведенный взгляд. Горячее дыхание близости всё еще ощущалось на коже. Сильное чувство разочарования, смешанное с обидой, нахлынуло на него, и глаза защипало. Он понял: Сюй Нин сдерживается. Из-за границ старшего и младшего, из-за статуса друзей, а еще потому, что не хотел воспользоваться ситуацией.

Цзы Юй молча вернулся в кресло, сжавшись в комочек, и тихо пробормотал:

— Угу.

Он больше не смотрел на экран, уставившись на свои сцепленные руки. Внутри было пусто, словно из души вырвали кусок.

Сюй Нин видел, как погас взгляд Цзы Юя, как он съежился в кресле, и сердце пронзила острая боль. Он понимал, что его отступление ранило этого чувствительного юношу. Он открыл рот,

чтобы что-то сказать, но в итоге лишь тихо вздохнул. Он выключил фильм, и комната погрузилась во тьму.

— Поздно уже, иди отдыхай, — голос Сюй Нина в темноте звучал с усталой нежностью. — Удачи завтра.

Цзы Юй почти выбежал из номера. Яркий свет коридора резал глаза. Он быстро шел к себе, но за углом чуть не врезался в человека.

— Ой, маленький Цзы Юй? Откуда так поздно? — это была одна из сценаристок шоу, женщина с легким характером, которая хорошо ладила с Сюй Нином. Она только что вернулась из кафе внизу с чашкой кофе.

Заметив смущение Цзы Юя и его покрасневшие глаза, она бросила взгляд в сторону номера Сюй Нина и понимающе ухмыльнулась:

— О-о-о, неужели только что с дополнительных занятий у учителя Сюй Нина? Такая прилежность?

Она сделала особый акцент на словах дополнительные занятия, и в ее глазах читалась насмешка.

Лицо Цзы Юя вспыхнуло, как вареный рак, даже уши стали пунцовыми.

— Нет... нет! Просто... просто читал материалы... — он бормотал что-то бессвязное, мечтая провалиться сквозь землю.

Сценаристка рассмеялась и похлопала его по плечу:

— Ладно-ладно, шучу! Хорошо, что молодежь учится у старших! Но... — она наклонилась ближе и понизила голос, добавив с доброй иронией: — В следующий раз не засиживайся за учебой допоздна, береги здоровье и... репутацию!

С этими словами она помахала рукой и ушла, напевая песенку.

Цзы Юй остался стоять на месте. Его сердце колотилось, словно пытаясь вырваться из груди. Лицо горело, и этот жар не только не спадал, но становился всё сильнее, вызывая чувство неловкости. Насмешка сценаристки стала зеркалом, безжалостно отразившим ту зыбкую, скрытую двусмысленность, что была между ним и Сюй Нином. Каждое ее слово пронзило тонкую бумажную перегородку в его душе, не позволяя больше игнорировать чувства.

Он вдруг осознал: его зависимость от Сюй Нина и стремление к нему давно вышли за рамки

отношений младшего коллеги. Это было не просто восхищение, а глубокая привязанность, невыразимое влечение.

А Сюй Нин в это время стоял у панорамного окна, его силуэт в отсветах городских огней казался одиноким и печальным. Он держал в пальцах незажженную сигарету, словно она была его единственным спутником.

Разочарованный взгляд Цзы Юя, с которым тот ушел, как нож вонзился ему в сердце. Он не мог забыть этот миг, когда мир в глазах юноши на секунду утратил краски. А доносившийся смех сценаристки был подобен иглам, коловшим его нервы.

Настроение Сюй Нина становилось всё более раздраженным, он потер переносицу, пытаясь унять беспокойство. Но как бы он ни старался, образ Цзы Юя и голос сценаристки не уходили из головы.

Минимальное расстояние, бушующие чувства, взгляды окружающих и тяжелая ноша на плечах Цзы Юя... всё это заставляло его удерживать руку, которую он так хотел протянуть.

Эта сдержанность была подобна теплой воде, которая не могла ни согреть, ни утолить жажду. Пик двусмысленности стал началом мучений. В двух шагах друг от друга лежала пропасть, которую они оба видели, но не могли преодолеть — пропасть под названием граница.

<http://bllate.org/book/19183/1883257>